

Как мы учились на филологическом факультете Челябинского государственного университета

Я. С. Шер

You met me at a very strange time in my life.

Чак Паланик

Учили нас довольно странно, но, к моему счастью, недолго. Оговорюсь, наша группа попала в самое несчастливое время, время перемен— перехода на Болонскую систему бакалавриата со всеми вытекающими. Несмотря на лекции таких звезд нашего факультета как безвременно ушедший Марк Иосифович Бент и Вячеслав Александрович Михнюкевич, образовательная система, казалось, трещала по швам из-за непродуманности изменений и скудости финансирования. К счастью, судя по информации в интернете, эта неразбериха закончилась с нашим выпуском.

Учебная программа отделения романо-германской филологии конца 2000-х представляла собой страшный гибрид из узконаправленных лингвистических курсов с небольшими вкраплениями литературоведения: 5187 языковых часов против 1150 литературных. Не смотря на удручающие объемы сухой лингвистики, которые нам давали, не покидало ощущение незаконченности и осколочности знаний. Гордо значившееся в дипломах «Филолог-преподаватель» предполагало лишь один формальный курс — методики преподавания иностранного языка, — где бюрократический новояз цвел пышным цветом.

Еще одной особенностью нашего направления была наполняемость по остаточному принципу: сюда шли те, кто не прошёл на лингвистику или журналистику по количеству баллов. Единственной причиной выбора нашего факультета в 2005–2010 было изучение английского и немецкого. Для поступления даже литературу сдавать не требовалось. Большинство студентов изначально были абсолютно равнодушны к проблемам культуры и литературы и явно не планировали изучать Петрония, Умберто Эко или «Беовульфа» на древнеанглийском. Вероятно, это сыграло роль и в мотивации к работе наших преподавателей.

Наша программа отличалась тем, что многие направления русской филологии преподавались в усеченном виде или отсутствовали вовсе: к примеру, ускоренный курс русской литературы или теория литературоведения for dummies за один семестр. Среди наших преподавателей была блестящая профессор Б., «редкая умница», как говорили на кафедре. Она выжала

из обрезанной программы максимум возможного. Будучи долгое время одним из самых молодых докторов наук, Б. служила идеальным примером женщины-ученого. Увы, на двух курсах Б. наше литературоведческое образование завершилось.

Был в нашей программе и пункт, вызывавший страх и трепет — пары по истории зарубежной литературы. Невероятное везение, что именно нашему факультету профессор Марк Иосифович Бент отдал последние десятилетия жизни. По рекомендации поколения, прибегавшего к нему на пары, в итоге только из-за М. И. я поступила на факультет. На первую лекцию я шла с предвкушением праздника. Прозвенел звонок (мы учились в здании типовой школы), из-за кафедры вырос маленький, сухонький, согбенный человек. Он начал нараспев с цитаты из Андре Боннара: «О Греция искусств и разума, Тэна и Ренана, розово-голубая Греция, Греция-конфетка, как ты вымазана землей, пахнешь потом и перепачкана кровью!». В списке обязательного чтения кроме чистой «антички» значились Тацит и Геродот, Андре Боннар и А. Ф. Лосев, книги для общего развития по истории древности. К его парам читали и готовились (семинаров у нас, увы, не было), потому что нас ждал увлекательный переосмысленный пересказ и комментарий к произведениям. Замечательно интеллигентный, с тихим мелодичным голосом и напевной интонацией, этот маленький человек умел держать тишину в присутствии любой аудитории.

На экзамене Марк Иосифович «завалил» почти всех, редкий мужчина на филфаке удостаивался такого потока слез. У одного из студентов Марк Иосифович спросил, что именно тот помнит из Петрония. Краткие содержания в 2007 году еще не достигли нынешнего совершенства, поэтому студент ответил, что не помнит ничего примечательного. На что Бент хитро ответил: «Молодой человек, если бы Вы читали, Вы бы прекрасно помнили хотя бы несколько пикантных эпизодов».

Ключевым авторским курсом Марка Иосифовича был романтизм — Новалис, Клейст, Тик переплетались в своем *Sehnsucht*, литература жила и дышала. К сожалению, болезнь начала подкашивать профессора Бента, а факультет не слишком стремился поддерживать его пребывание. На четвертом курсе мы с одноклассниками приносили аппаратуру, чтоб его слабеющий голос был слышен дальше первой парты. Последние месяцы четвертого курса я записывала интервью с Марком Иосифовичем. К сожалению, мне не хватило журналистской цепкости, чтоб сделать настоящее интервью, но его тихий траги-ироничный рассказ — сам по себе уже был историей литературы.

Во втором семестре у нас появилось сразу два преподавателя зарубежной литературы: диаметрально противоположные друг другу мадам Б-т и П-н, который стал моим научным руководителем и одним из главных в жизни учителей. Пары мадам Б-т были ужасающей гримасой нашей программы. Она вела историю литературы Средних веков и эпохи Возрождения и еще какой-то курс, совершенно выпавший из моей памяти в дальнейшем, вероятно, это был модернизм. От литературы и Возрождения не осталось ни капли, лекции были посвящены кокетливым слоновым реверан-

сам себе и своему уму, и попутно поношению других преподавателей. Постоянный когнитивный диссонанс, который испытывали даже не очень искушенные в литературоведении студенты, не поддается описанию. Узнав, что я пишу этот текст, мои одноклассники отреагировали так: «А будет ли что-то о мадам Б-т? А лучше бы, чтоб ничего».

П-н начал с курса, созданного специально для РГФ, и совершенно асинхронного общей программе: параллельно со Средневековьем мы изучали театр барокко и Просвещения. Несмотря на странность такого сочетания, курс произвел удивительный эффект. Если Марк Иосифович для многих был загадочен своей недоступностью и его лекции были несколько элитарны, П-н устраивал абсолютное погружение для всех студентов. Он влетал в аудиторию как смерч с вечной кипой книжек и разнообразных бумажек и с ходу начинал читать лекцию, не заботясь, какое изумление производил выбранной темой или постановкой вопроса: сначала исторический аспект, затем культурный, и наконец... литература. Он заставлял нас погружаться в эпоху, с её страхами и надеждами, любой автор в ходе его рассказа оживал и становилось понятно, что какой-нибудь Байрон не скучное имя из энциклопедии, а настоящий Элвис Пресли того времени. Яростный энтузиазм, бескорыстность и щедрость — то как П-н делился знаниями, — делали обучение исключительным. Он организовал знаменитый субботний клуб «Не надейтесь избавиться от книг», куда мы приходили обсуждать самые злободневные проблемы зарубежной литературы. Мы читали ирландцев, разбирали Барнса, постколониализм, восхищались Кадзуо Исигуро до того, как он стал Нобелевским лауреатом. Одно время клуб, который продолжает существовать уже почти 9 лет, вел полуподпольное существование из-за внешних университетских обстоятельств. Нас не учили методике преподавания, но у нас был прекрасный пример учителя новой школы перед глазами. На четвертом курсе я вышла на практику ведения семинаров по ИЗЛ под чутким руководством П-на, который присутствовал почти на каждой моей паре, а потом кропотливо разбирал со мной недочеты и давал важные советы по подаче материала и общению со студентами. Это был бесценный опыт, ради которого преподаватели английского идут на CELTA и DELTA за баснословные деньги.

Языковая часть нашей программы была гораздо более хаотичнее литературной. Стихийные изменения, сопровождавшие наше обучение, нашли отражение в приложении к диплому: среди прочего там значились «Практический курс первого иностранного языка» и просто «Иностранный язык», «Древнеанглийский язык» и «История основного языка». Вначале четвертого курса нам внезапно объявили о переходе на бакалавриат, а в конце, после сдачи ГОСов и защиты диплома, о возвращении на специалитет. Здесь мое терпение лопнуло, и я забрала документы для поступления в РГГУ на компаративное литературоведение.

«Английская» часть программы представляла собой курс разговорного языка, грамматику и историю древних языков, некий лингвистический разбор произведений и бесконечные диктанты для зазубривания слов (например, в качестве наказания за пропуск пары нужно было выучить 150

слов). Были и иные подходы: некоторые преподаватели практиковали метод неожиданного нападения (готовили нас к военному положению?). Всё заданное несколько недель назад спрашивали внезапно, ключевые тесты писались во время перемен и под репетиции студенческих КВНов. С годами, недостаточное внимание к коммуникативному подходу стало еще очевиднее. Смягчающим обстоятельством было то, что педагогике уделялось мизерное внимание, а разговорную практику часто вели студенты старших курсов и аспиранты, сами только попавшие в эту образовательную мясорубку и испытывавшие не меньший стресс, чем мы.

Качественную лингвистическую подготовку, очень кстати павшую на незрелую почву наших студенческих умов, нам дала теперь уже доктор наук Ш-к. На первом же году обучения в первом семестре на её курсе по готскому языку мы получили представление о компаративистике и истории языка. Почему-то этот курс запомнился куда больше последующих — древне- и среднеанглийского. Ш-к всегда пыталась выйти за пределы предмета и наших скудных знаний, к чему понуждала и нас. В следующий раз мы встретились с ней на четвертом курсе: она проводила ликбез по экономике в контексте экономического перевода.

Да, мы были еще и недопереводчиками! В программу попал скрюченный курс устного перевода, на котором студенты по очереди выходя к доске, пытались переводить на слух. На факультете была краткосрочная программа доп. образования (по специальности «переводчик»). Увы, бесконечное усечение и разделение — издержки бюрократических требований.

Подача второго иностранного языка отличалась от первого в худшую сторону. Почти вся наша немногочисленная группа видела немецкий алфавит впервые в жизни на третьем курсе. А уже на четвертом нам дали задание переводить немецкую монографию, которая позже была включена в список литературы и приложение в диссертации одной из аспиранток. Права выбора другой книги для домашнего чтения дано не было, маленький недопереводческий цех работал на благо кафедры и науки.

От лингвистических курсов пахло нафталином. Наши профессора, обучавшиеся во времена СССР в Ленинградских и Московских вузах, щедро делились всем, что изучили сами. Введение в языкознание и другие, общие с русской филологией, курсы преподавались так экзальтированно, что стиль отвлекал от немного примитивного изложения предмета. Бодуэн дэ Куртене, Пирс, Хомский были фигурками лубочного театра, мы играли в них, не задумываясь о сущности теорий и смысле прорывных идей. В оправдание наших преподавателей надо сказать, что их старания ждала награда: ни одна пара не была пропущена, ни один семинар не стал вольными рассуждениями о жизни. Даже в таком урезанном виде, в условиях бюрократической кастрации, лингвистика сумела вызвать энтузиазм.

Удивительно, как в нашу программу, напоминавшую творение Франкенштейна, попали лекции Б-ко, автора книги «Теории лингвистических учений». Эти лекции существенно отличались от многих курсов: он не упрощал материал и подавал его без купюр. Когда Б-ко рассказывал о споре номиналистов и реалистов, его стилю был присущ нарратив Умберто Эко, а исто-

рия о Марре и марризме звучал как детективная новелла. Он вдохновенно соединял философию и теорию языка, яростно жестикулируя и вступая в односторонний диалог с пустыми партами на первых рядах. Я пронесла (в том числе в физическом смысле) монографии Б-ко и Бенга с автографами авторов через следующие три университета, бережно упаковывая и распаковывая свою походную библиотеку по съемным квартирам.

Несмотря на то, что наше образование было далеко от совершенства, а вопросов к программе у меня до сих пор больше, чем ответов, все мои одноклассники, совершенно не планировавшие вставать на этот путь, стали учителями. Это вовсе не заслуга куцых курсов, которые зажимали преподавателей, заставляя их проводить бессонные ночи, занимаясь канцелярщиной. Мы не стали лингвистами, литературоведами, научными светилами (пока?), мы стали преподавать. Нас вырастили личности, которые даже в самых мрачных условиях сумели показать примером, что такое быть Учителем с большой буквы.

Говорят, произошло много изменений: до нас доехал представитель Фулбрайта и теперь языковую практику ведет еще и носитель языка, на факультет пришли новые люди, которые жаждут развития и пока еще горят своим делом, программа устаканилась, бакалавриат и магистратура четко разделены. Но главное в университете остались те, кого я вспоминаю с благодарностью и восхищением, и не просто остались, а продолжают следовать своим принципам, увлечены и не планируют уходить. А это значит, что в Челябинске еще будут читать Клейста и Кальдерона, изучать готский и даже собираться в свободное время для обсуждения Нобелевских лауреатов по литературе.